

ВСТРЕЧА С ФИЛОСОФОМ (К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ФИЛОСОФИИ Г.С. СКОВОРОДЫ НА УЧЕНИЕ Н.Ф. ФЁДОРОВА)

Вандышев В.Н. (г.Сумы)

Розглядаються особливості формування філософії «загальної справи» відомого російського мислителя М.Ф.Федорова. Одним з начал цієї філософії виявилось вчення Г.С.Сковороди у тій його частині, що мала відношення до проблеми смерті і воскресіння.

Ключевые слова: *Біблія, безсмертя, смерть, прах, воскресіння, літургія, метеоричні явища, регуляція природи, філософія «загальної справи».*

Вступление

Тема истоков и идейно-философской обоснованности возникновения учения известного русского мыслителя девятнадцатого столетия Николая Фёдоровича Фёдорова остаётся актуальной, о чём свидетельствуют и имеющиеся ныне публикации, и регулярно проводимые Фёдоровские чтения, и соответствующие направления фундаментальных медико-биологических исследований. В то же время имеющиеся публикации обременены или чрезмерным рационализмом, связанным с изрядной долей пессимизма, или обычным пересказом сущности учения Фёдорова, игнорируя многие обстоятельства, сопутствующие его становлению.

Цель статьи

Исходя из ряда наличных прямых и косвенных свидетельств, показать, что начиная с античности, с самых ранних религиозно-философских течений, европейская мысль постоянно искала средств продления жизни человека и возможности его воскрешения, что явилось фундаментальным интересом и для Н.Ф. Фёдорова, создателя оригинального учения.

Обсуждение проблемы

Учёба в Ришельевском лицее в Одессе дала возможность Николаю Фёдорову в очередной раз проявить свои блестящие способности. Он много читал, участвовал в диспутах, демонстрируя поразительные, поистине энциклопедические познания в самых разных областях жизни, науки, искусства. Его ищущий ум не останавливали никакие преграды. Большое внимание и упорство проявил он для овладения основными европейскими языками, но неплохо разбирался и в ряде восточных языков, даже одно время сильно увлекся китайским. Осень 1851 года – время интенсивной работы над собой. Именно тогда Николаю часто снились сны, но память, занятая множеством разнообразных знаний и сведений, не всегда и не надолго удерживала текущие сны. Вот и нынче, в один из последних дней октября, когда хмурое небо нависало над Одессой, когда несколько дней кряду не прекращался надоедливый в своей монотонности дождь, ночью ему приснился сон. Сон странный, сон настолько встревоживший Николая, что он почувствовал, что забыть этот сон долго не сможет.

Приснилась ему поздняя осень, дождливый день. Среднего роста, немолодой, просто одетый, худощавый человек с правильными чертами лица склонившись стоит перед ним и внимательно всматривается в его

глаза. В руках человек держит лопату, стоя над небольшой ямой, которую сам и вырыл.

– Кто ты? – спросил Николай незнакомца.

– Я – Варсава, – спокойно и даже с каким-то подчеркнутым безразличием ответил мужчина.

– А что ты делаешь? – снова обратился с вопросом к человеку Николай.

– Потом узнаешь, – ответил человек, назвавшийся Варсавой. Николаю стало неловко, он почувствовал в своём вопросе некоторую бестактность. Оба помолчали, а немного погодя мужчина добавил:

– Продолжи моё дело, пусть оно станет твоей литургией.

Николай хотел было спросить человека, что это за такая «литургия», но ни спросить, ни узнать ничего более не смог. Мужчину кто-то позвал со стороны видневшегося вдали помещичьего дома и он удалился, оставив лопату воткнутой в землю. Николай осмотрелся, увидел большой яблоневый сад со взрослыми деревьями, на некоторых из них еще виднелись крупные плоды... Здесь Николай Фёдоров проснулся, вспоминая сон. Более всего он был поражён тем, что имя Варсава врезалось в его память, с ним он проснулся и мысленно повторял, пытаюсь, что-то для себя уяснить. В голове крутились какие-то обрывки латинских и греческих слов, но удовлетворительного ответа не обнаруживалось. Наконец, придя в лицев, он не удержался и обратился с просьбой помочь в разгадке сна к одному из старших, к пожилому учителю классической литературы Гордиенко:

– Варсава, говорите? Хм, что-то смутно припоминаю, но как-то всё неожиданно, хотя имя подобное я точно слышал. Поместье, сад, рыл яму какую-то, «литургия»? Странно... Этого ничего не припоминаю, – задумался Гордиенко. – Впрочем, это интересно, об этом я подумаю на досуге, полистаю журналы и постараюсь вспомнить. А на следующий день он уже ожидал Николая у ворот, с нетерпением куря папиросу. Подойдя к нему, Гордиенко с воодушевлением и одновременно с досадой на себя заметил, подавая ему потрепанный журнал:

– Вот вам «Телескоп» за 1835 год, том XXVI, один из номеров. Почитайте, здесь есть достаточно большая статья о Григории Варсаве Сковороде, о малороссийском странствующем философе. Очевидно, это как раз то, что вам надо. Теперь припоминаю, что-то было о Сковороде и в «Одесском Вестнике». Если вас заинтересует, поищите потом.

Придя домой, Николай начал внимательно читать переданный ему материал о «старчике» Варсаве. Чем дальше он читал статью Хиждеу, тем больше прочитанное заставляло его задумываться о существенном, о смысле жизни, о назначении человека, о смерти и бессмертии. Особенно поразили его слова Григория Сковороды: «Довольно надивиться не могу, если всяк человек, так родится, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свышше рожден» [см.: 5]. Христианское мирозерцание Николая было достаточно развито, он знал это, он Встреча с философом (к вопросу о влиянии философии г.с. сковороды на учение Н.Ф. Фёдорова)

принимал Бога, он рассчитывал на свои силы, вдохновляемый верой. Но Варсава поставил перед ним трудный вопрос о том, что это такое «родиться во второй раз свыше». Рожденный один раз естественным образом человек проживает свою жизнь и отходит куда-то, то ли в землю (а тогда прах возвращается в прах), то ли в мир иной. И родиться во второй раз ему, человеку, не дано!? Почему же пишет старчик о другом рождении? Вопрос этот не оставлял Николая, когда он читал дальше. И здесь ответов не было, Сковорода озадачивал все больше: и «А как несчастное дело есть сидть и быть колодником в темниц, так еще хуже быть в компанії тех, коих Павел пробуживает: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых...» Разбій сон глазам твоим, о несчастный мертвец! Поднимись на ноги!» [там же]. Среди круговерти аргументов и контраргументов неизвестных и где-то абстрактных Антона, Памвы и Друга подспудно автором утверждалась мысль о потребности сохранить в сердце божественную искру – веру в светлое воскресение, «дабы прах и пепел гробов наших не затушил ее». Неожиданно какая-то сила остановила взгляд Николая на последующих словах «Разве един прах и смерть?..» И здесь от текста повеяло такой уверенностью в воскрешение, что Николай воочию увидел мириады восстающих из гробов, колоссальное мельтешение жизни, радость неопишумую на лицах людей, возвращенных к жизни земной, уверенных в своем бессмертии. Николай испытал глубокое волнение, трепет восторга прошел по его телу. Подобно Архимеду захотелось возопить: «Эврика!» Да, он наконец, нашел то, что давно где-то глубоко в его душе сидело занозой: «Смерть – это иллюзия! Прах – это еще не смерть! Живущие во гробех могут быть возвращены к жизни! Нельзя предаваться неверию в жизнь вечную. Нельзя позволить, чтобы вера в воскрешение, в жизнь вечную была затушена категорическим принятием праха покойников и пепла гробов их как неотвратимым концом всего живущего» [см.: 2]. Понятнее стала и мысль Григория Варсавы Сковороды о рождении в другой раз свыше. Почти воочию увидел Николай ученых склонившихся над колбами, врачей, священников и многих других, участвующих в деле воскресения упокоившихся в прежние времена и упокоиваемых донныне. Свыше – значит извне, значит от воли и разума живущих и осознавших свою задачу и миссию!

Цель жизни прояснилась, Николай понял своё признание. Он начал с какой-то фанатической жадностью читать многообразную естественнонаучную литературу, философскую классику, фундаментальные труды отцов церкви. Одним из великих личных открытий, утвердивших его в правильности избранного дела, был «Октавий» Минуция Феликса. Особенно поразил Николая следующий фрагмент: «В самом деле, кто же столь глуп и бессмыслен, что осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? Что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобновить

то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших? Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю» [см.: 4]. Все эти новые мысли и прозрения не давали покоя молодому лицеисту. Он искал ответа на многочисленные «почему?». Что имел в виду старец, явившийся во сне, когда он призывал к делу, к литургии? И греки, и римляне называли государственного служащего *liturgus*. У христиан литургия – это массовое богослужение. Почему литургия? Николай не находил ответа. В голове переплетались мысли о воскрешении, о государственном служении, о каком-то важном для всех деле. Известным образом помог ему всё тот же Гордиенко. Однажды, остановив Николая, он заметил:

– Я тут недавно подумал об этой вашей литургии. Думаю, что это можно понять как «общее дело». Да, кстати, в Харьковском университете преподаёт мой племянник, сын моего старшего брата Степана. Если будете когда-нибудь в Харькове, найдите его, думаю, что он изыщет средства помочь вам в ваших намерениях. Николай поблагодарил старого учителя, даже и не предполагая ещё, как сможет воспользоваться его предложением. И подсказка относительно «общего дела» была уместной, таким образом Гордиенко высказал то, что смутно представлял себе Фёдоров: воскрешение всех живших прежде суть общее дело! Весна 1852 года привнесла в жизнь Николая Фёдорова неожиданные изменения. Не довершив обучения в лицее, он вынужден был отправиться на родную свою Тамбовщину. В следующем году умер его дядя, губернский предводитель дворянства в Тамбове. Смерть дяди, близкого ему человека, потрясла Николая, ещё раз напомнив о том великом предназначении его, определённом ранее. Соответственные настроения Николая усилились после прочтения стихотворения В.А. Жуковского «Сельское кладбище». Это стихотворение он обнаружил, перелистывая подшивки журналов дяди, в одном из номеров «Вестника Европы», издававшегося Н.М. Карамзиным в 1802-1804 гг. [см.: 2]. Находясь в сложном морально-психологическом состоянии, и памятуя о предложении старого учителя Ришельевского лицея, Николай решил отправиться в Харьков, в тамошний университет дабы встретиться с его учёным племянником. И не медля долго, ранней осенью того же 1853 года, взяв с собой несколько книг, Фёдоров отправился в неблизкий путь.

Георгий Степанович Гордиенко, преподававший на физико-математическом факультете и завершавший тогда докторскую диссертацию по проблемам теоретической химии и фармакологии, принял его с радостью, помог устроить дела с жилищем, что было непросто ввиду большого наплыва студентов, спешивших снять жильё внаём. Гордиенко познакомил Фёдорова с некоторыми из своих коллег, показал Николаю университетскую библиотеку, имевшую уже тогда в своих фондах. С большим уважением и

Встреча с философом (к вопросу о влиянии философии г.с. сковороды на учение Н.Ф. Фёдорова)

восторгом вспоминал он о В.Н. Каразине, как о выдающемся учёном, о человеке прогрессивном и дерзком в своих научных планах. Николаю, живо заинтересовавшемуся идеями Каразина, была предоставлена возможность прочитать его опубликованные труды, а также ознакомиться с архивом учёного. Более всего тогда поразила Николая Фёдорова мысль Каразина о возможности управления метеорическими явлениями природы. Учёный предлагал поднять громоотвод в верхние шары атмосферы на привязанном аэростате. «Человек, вооружённый электрической силою, – читал Николай у Каразина, – станет производить если не всё, то по крайней мере великую часть тех чудес, кои природа до сих пор предоставляла себе одной. Например, свет есть причиной цветов, запахов, пряности и сладости соков растений, производимых теплыми странами. Искусным приспособлением сей силы, мы можем производить свет, изливаемый природой в южных лучах» [см.: 6]. Николай оставил чтение, задумался. «Понятно, – размышлял он, – Каразин хотел привлечь к своему предприятию людей, хотел уверить их в том, что электрическую силу должно преосуществить на другое, на дело общее всем людям, должно обратить её в орудие литургии. Каразин прав, от пассивного созерцания природных явлений надобно переходить к их разумной регуляции. Когда предлагаемое им орудие будет в руках всех общин, тогда весь метеорический процесс земного шара будет регулируем, ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства». В читальном зале никого не было и неожиданно для самого себя, Фёдоров произнёс вслух накопившееся внутри него:

– Да, от пассивного созерцания природных явлений надобно переходить к их разумной регуляции! Изучая дальше бумаги покойного основателя Харьковского университета, Николай обратил внимание на одну интересную работу Каразина о регуляции явлений жизни, в которой тот часто ссылался на мысли и идеи Григория Саввича Сковороды. Тот контекст, в котором делались ссылки был созвучен мыслям и настроениям самого Фёдорова. Из бумаг он точно узнал место, где был захоронен харьковский философ-старчик, могилу которого, как оказалось из заметок самого Каразина, тот неоднократно посещал. Более того, среди рукописей Василия Назаровича попадались списки с работ самого Сковороды, а некоторые страницы, написанные иной рукой, заподозрил Фёдоров в принадлежности философу. Николай решил немедля ехать в Ивановку, дабы посетить могилу философа да, по возможности пообщаться с людьми, которые либо лично знали Сковороду, либо имели какие-то бумаги его, либо располагали более менее достоверными воспоминаниями о нём. О своём намерении поехать в Ивановку он сказал Гордиенко. Тот же, сожалея, сослался на большую занятость, немного подумал и воскликнул:

– А вы знаете, я, пожалуй, найду вам достойного человека в попутчики!

– Кто же это будет?

– Пойдёмте, я сейчас же познакомлю вас с ним. Думаю что он с удовольствием оторвётся на день-другой от своих дел, – предложил

Гордиенко, прямо не отвечая на вопрос Николая. Минут через десять они подошли к зданию хирургической клиники, где их встретили профессор Ванцетти и Блажевский. Гордиенко представил гостя, знакомя его с хирургами:

– Вот, Николай Фёдорович желает поехать в Ивановку на могилу Григория Сковороды. Я подумал, Антон Григорьевич, что вы составите ему компанию, – обратился он к Блажевскому.

– Пожалуй составлю, если человек хороший, – улыбнулся Блажевский, и добавил, – я давно собирался ещё раз съездить на могилу философа, да всё дела, дела... Поддержав для приличия разговор несколькими общими фразами, Гордиенко заторопился уходить. Фёдоров также не стал задерживаться, почувствовав, что врачи теперь чем-то заняты в клинике. Договорились о дне и времени выезда. Блажевский заверил, что с транспортом проблем не будет; на том и расстались. Через два дня, поутру, отправились на бричке в Ивановку. Спустя три часа благополучно добрались до места. Хозяин слободы принял их доброжелательно, но без особого восторга. Узнав в Блажевском доктора, он попросил его осмотреть супругу, которая захворала накануне. Доктор тотчас согласился, на некоторое время задержавшись у постели больной. Помещик же предложил Фёдорову в провожатые своего сына и они отправились к могиле Сковороды.

Пройдя немного по дорожке, подросток заметил:

– Вот сейчас дорожка будет расходиться на две: одна будет идти прямо, к могиле, а другая пойдет вправо и вниз...

– Хорошо, хорошо, идёмте прямо – к могиле Сковороды.

Спустя минуту они подошли к могиле философа. Гранитная плита лежала ровно, полированная поверхность её была густо покрыта пылью. Сквозь листву солнечные лучи освещали её поверхность. Став ближе к плите, Николай увидел неясную эпитафию. Сломал ветку он смахнул с плиты пыль и на её светлой полированной поверхности появилось: «Мір ловил меня, но не поймал». Николай от неожиданности вздрогнул. Ему захотелось остаться одному и взмахом руки он отпустил провожатого. Провожатый, потоптавшись немного, напомнил ему, что гостей ждут к обеду и отправился восвояси. В задумчивости Николай присел на лежавшую поодаль замшелую толстую дубовую колоду. Прошло около получаса, а Блажевского всё не было. Очевидно, он задерживался возле больной. Фёдоров решил пройтись дальше по усадьбе сам. Немного спустя он пошел обратно и повернул на тропинку, ведущую влево. Дорожка круто спускалась вниз. «Сейчас я увижу большое дерево!», – прорезала сознание Николая неожиданная мысль. И, действительно, сразу же он увидел внизу крону огромного дуба. Чуть позже увидел и мощный ствол. «За дубом будет пруд!», – опять какой-то голос изнутри дал подсказку Николаю. Действительно, за дубом оказался пруд, а рядом, метрах в двадцати старый замшелый дубовый сруб колодца. Возле колодца на траве сидел старик. Он

Встреча с философом (к вопросу о влиянии философии г.с. сковороды на учение Н.Ф. Фёдорова)

внимательно взглянул на Николая и спросил:

– Григория Саввича пришел проведать?

– Да, был на могиле, – ответил Николай.

– Теперь на могилу никто почти и не приезжает. Видать все бывлые гости уже и сами упокоились, сами ждут, чтобы их проведали, – философски заметил старик. – Видать и Григорию Саввичу никто из нынешних не нужен.

– Вы сами его знали? – спросил Николай.

– А то как же, много раз видел, почитай на моих руках и доставлен был в вырытую им самим могилу.

– Он что, сам себе и могилу вырыл? – удивленно переспросил Николай, при этих словах ясно вспоминая согбенного человека с лопатой из давешнего сна.

– Ну не совсем сам. Рассказывали, что копать начал сам и место тем нам указал...

– Вы видели, что он сам копал?

– Нет, мне рассказывали...

– А о жизни вечной, о воскресении он говорил вам что-нибудь? – с надеждой спросил старика Николай.

– Нет, со мной он не разговаривал, мы для него – это люди простые. Он всё больше с господами разговаривал, с батюшкой, со старостой, – умный был человек, – любил сам посидеть, писал что-то. Потом у нашего Андрея Ивановича гости смотрели эти записки, торговали их у него.

– Староста был умный человек? – переспросил Николай.

– Да, староста был умный человек, – подтвердил старик. – Он часто с Григорием Саввичем разговаривал, записывал их разговоры. А тот ему еще и свои записки давал списывать. Какие-то ему и навсегда оставлял.

– Ещё у кого-то были его записки? – с надеждой спросил Николай.

– Наверное, были. А у старосты точно были, он любил и сам записывать. На похоронах и поминках складно говорил...

– А где этот староста сейчас? – надеясь на неожиданную удачу, спросил Николай.

– Где, где? Там, где всем нам Господь уготовил место. Помер он, почитай... – старик приумолк, напряжённо сморщил лоб и шевелил губами. – Да уж лет тридцать как его нет.

– Может быть, записки его, о которых вы говорили, у кого-то сейчас находятся? – опять повторил свой вопрос Николай.

– У господ можно поспрашивать, да и батюшка наш, отец Никодим, может что-то знать...

Здесь старик умолк, подумал немного и с нескрываемой досадой добавил:

– Хотя нет, у господ ничего спрашивать не надо. Нет у них ничего, а если что и было, сожгли, небось. Не чтут нынешние господа Григория Саввича, не чтут, могилу запустили... Хозяйка постоянно хворает... Господь, Он всё видит... А у отца Никодима поспрашивайте. Фёдоров

подробно расспросил старика как найти дом отца Никодима. Получив необходимые разъяснения и видя, что от старика он ничего больше интересного не узнает, Николай поднялся с травы, постоял ещё возле старого дуба, возле которого его удерживала непонятная ему сила, вновь вернулся к могиле философа, постоял и там несколько времени, и тогда отправился к помещицкому дому. По дорожке навстречу ему торопливо шёл Блажевский. Извинившись за задержку, он попросил Фёдорова подождать пару минут, пока он проведает могилу. Отобедав, гости по просьбе Фёдорова отправились к отцу Никодиму. Застали они священника лежащим в постели. Вместе подошли к нему, поздоровались. Старик тяжело дышал, временами закрывал глаза и стонал. Осмотрев больного, Блажевский грустно покачал головой, показывая, что дела батюшки плохи. Однако старик, увидев гостей приободрился и пожелал узнать, что привело их к нему. Фёдоров, с первого взгляда понял, что по возрасту своему священник едва ли мог о чём-то серьёзном говорить со Сковородой. Предположения его вскоре подтвердились, когда отец Никодим определённо заметил, что лично сам не знал Григория Саввича, поскольку служить в Ивановку он поступил, почитай, лет через десять по его смерти. Хотя слушали Сковороду и записывали слова его мудрые предшественник отца Никодима да тогдашний староста. Но оба давно уже умерли, с горечью отвечал священник, смахивая выступавшие на глазах слёзы. Н.Ф. Фёдоров поинтересовался, не могли ли оставаться их записи у кого-либо. Но прежде, чем ответить на его вопрос, священник уточнил, кто есть его гости.

– Мы из Харьковского университета, преподаватели, – отвечал Блажевский. – Я к тому же и врач. Кто вас здесь пользует?

– Мы по-своему, по-домашнему лечимся. Да, для каждого наступает время, когда думать надобно не о лечении, а о том, с чем явишься к Господу, какой ответ держать будешь, – устало молвил старик. – Записи хотите получить от Сковороды? Которые мне перешли от покойного старосты? Много он мне рассказывал, да не сподобился я как ученик достойный... Подозвав свою дочь, стоявшую у двери в горницу, старик попросил подать ему короб, где хранились его бумаги. Внимательно просмотрев их, он отобрал изрядную стопку бумаг, среди которых выделялись две аккуратно переплетённые тетрадки. Это и было всё наследство о Григории Саввиче, о философе мудром и истинном человеке, как изволил выразиться старый священник. Оба, и Фёдоров, и Блажевский молча смотрели на стопу бумаг, многие из которых помнили прикосновение рук самого великого мыслителя. Внимательно обведя взглядом гостей, отец Никодим всё передал Н.Ф. Фёдорову, пожелав, чтобы он распорядился наследием с умом. Это и явилось существенной основой для дальнейшей работы Николая Фёдоровича над своей философией, известной как философия «общего дела».

Выводы

Таким образом, обращение к частностям жизни и творческих исканий

отечественных мыслителей Г.С. Сковороды и Н.Ф. Фёдорова позволяет прояснить многие обстоятельства представлений о воскрешении человека. Проведенная реконструкция позволяет более внимательно и аргументировано исследовать основные источники и факторы происхождения учения Н.Ф. Фёдорова, существенно повлиявшего как на развитие соответствующих направлений медико-биологической науки, так и социально-политических преобразований в жизни ряда европейских и азиатских народов. Осознав, что привычный взгляд на мир устарел и привычные понятия больше не могут объяснить непонятные нам явления, мы вынуждены от него отказаться. Но в этом явлении есть и позитив: мы освобождаемся и от большого количества знаний, ставших ненужными.

Перспективы дальнейших научных исследований

Более глубокий и целенаправленный анализ учения Н.Ф. Фёдорова может поспособствовать в деле философско-методологического обоснования современных биотических и этико-биологических исследований.

Литература:

1. Библия или Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Въ русскомъ переводѣ съ параллельными мѣстами / Изданіе второе, вновь просмотренное. – С.-Пб.: Синодальная типографія, 1892. – 1424 с.
2. Вандышев В.Н. Социософия русского космизма: Монографич. – Сумы: Изд-во СумГУ, 2009. – 168 с.
3. Православное исповедание или изложение Российской веры Петра Могилы. – М.: Благовест, 1996. – 190 с.
4. Ранние отцы церкви. – Брюссель, 1988. – 734 с.
5. Сковорода Г.С. Полное собрание сочинений: В 2-х т. Т. 2. – К., 1973. – 575 с.
6. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – 712 с.

Вандышев В.Н. Встреча с философом (к вопросу о влиянии философии Г.С. Сковороды на учение Н.Ф. Фёдорова)

Рассматриваются особенности формирования философии «общего дела» известного русского мыслителя Н.Ф. Фёдорова. Одним из оснований этой философии явилось учение Г.С. Сковороды в той его части, что имела отношение к проблеме смерти и воскресения.

Ключевые слова: Библия, бессмертие, прах, воскрешение, литургия, метеоричные явления, регуляция природы, философия «общего дела».

Vandishev V.N. Meeting with the philosopher (to a question about the influence of G.S. Skovoroda's philosophy on N.F. Fyodorov's doctrine)

The features of philosophy's forming of «common cause» by well-known Russian thinker N.F. Fedorov are examined. One of this philosophy grounds were studies of G.S Skovoroda in that his parts, that related to the problem of death and resurrection.

Key words: Bible, immortality, ashes, revival, a liturgy, meteorically phenomena, regulation of the nature, philosophy of "common cause"